TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893 a. VIHIK 414 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XXVIII

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова

ТАРТУ 1977

К ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-х — 1850-х гг.

(Некоторые общие проблемы)

П. С. Рейфман

В последние годы много споров вызывал вопрос о месте славянофилов в общественно-литературном движении 1840-х — 1860-х гг. и об оценке славянофилов с точки зрения современного литературоведения. О славянофилах много писали и в последние пять-шесть лет, и в более раннее время. И тем не менее о роли и значении славянофильства высказывались и высказываются до сих пор различные, нередко диаметрально противоположные, мнения. Здесь, видимо, отражается и то, что оценка славянофилов некоторыми современными исследователями в значительной степени осложнена факторами привходящими, связанными с проблемами сегодняшнего дня. Такой подход понятен и закономерен, но он иногда в большей или меньшей степени смещает акценты и оказывается не вполне историческим, объединяя в данном плане представителей самых разных точек зрения на славянофильство: и зарубежных историков русской общественной мысли, использующих славянофилов в борьбе с марксистской идеологией, и нынешних «неославянофилов», и тех, кто, как С. Покровский, считает, что славянофилы — помещики-реакционеры и «пересматривать характеристику славянофилов как реакционного течения нет оснований» [1].

Подобные привходящие мотивы сказались отчасти и на содержании дискуссии, посвященной проблеме славянофильства, которую провела в 1969 г. редакция журнала «Вопросы литературы» [2]. Дискуссия, думается, не слишком прояснила вопрос по существу, но в итоге ее был сделан весьма плодотворный и верный вывод: славянофилов необходимо изучать. К такому изуче-

[1] С. Покровский. Мнимая загадка. — «Вопросы литературы», 1969, № 5, с. 126.
[2] См. «Вопросы литературы», 1969, №№ 5, 7, 10, 12.

нию приступили в настоящее время многие советские литературоведы и историки[3].

В связи с этим оказывается вполне закономерным обращение к славянофильским периодическим изданиям, исследованным сравнительно мало, к журналам «Москвитянин» периода «молодой редакции», «Русская беседа», к газетам «Молва», «Парус», «День», к «Московским сборникам».

Но, приступая к анализу славянофильской периодики, необходимо хотя бы кратко определить общую оценку славянофильства в целом. Вряд ли можно рассматривать его как идеологию демократическую, отражающую позицию русского патриархального крестьянства, как нечто, напоминающее взгляды позднего Льва Толстого, хотя ряд положений славянофилов и на самом деле перекликается с такой идеологией. Но столь же ошибочно не замечать коренной разницы между славянофилами и правительственной идеологией, «официальной народностью», видеть в них выразителей интересов помещиков-охранителей, защитников неограниченной власти эксплуататорских классов, хотя и здесь ощущается видимость близости.

При этом следует помнить и об эволюции славянофильства, о том, что в 1860-е — 70-е гг. «классическое» славянофильство по сути перестало существовать, и о том, что взгляды разных славянофилов, того или иного славянофильского периодического издания, были далеко не одинаковыми.

Думается, что вопрос о происхождении и сущности славянофильства нужно решать в неразрывной связи с проблемами закономерностей развития дворянской и демократической мысли в России, с ленинскими положениями о двух культурах в каждой национальной культуре, о трех этапах русского освободительного движения. Демократическая мысль, в процессе ее становления, отнюдь не сразу превратилась в революционную. Более того, в первую треть XIX в. она сплошь и рядом, даже в наиболее прогрессивном русле развития, оставалась консервативной, особенно в тех случаях, когда речь шла о политических взглядах. Об этом писал в свое время Плеханов: «Начиная с конца 50-х годов прошлого века и вплоть до недавнего времени, разночинцы — Чернышевский, Добролюбов

---

[3] См., например, книги Ю. З. Янковского «Из истории русской общественно-литературной мысли 40—50-х годов XIX столетия». Киев, 1972; В. А. Китаева «Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации». Горький, 1974; диссертацию Е. И. Анненковой «К. С. Аксаков — фольклорист», Л., 1974; диссертацию Н. И. Цимбаева «И. С. Аксаков в общественной жизни России 1860-х годов», — М., 1972; его статью «Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства» — «Вестник МГУ», серия 9, 1972, № 2; новую публикацию статьи С. Машинского «Славянофильство и его истолкователи» в кн. М. «Слово и время», М., 1975. О славянофилах подготовлена монография В. И. Кулешова.

и многие, многие другие, — шли у нас во главе общественного движения. Поэтому мы привыкли смотреть на разночинцев, как на самый передовой общественный слой. Но они не всегда шли впереди. Прежде было совсем иначе»[4]. Лишь учитывая такое положение вещей, можно понять и объяснить журнальную деятельность Надеждина, молодого Белинского, политическую консервативность и одновременно демократизм, историческую прогрессивность «Телескопа», в котором потенциально содержалось зерно направления «Отечественных записок» 1840-х гг., некрасовского «Современника». Только в начале 1840-х гг. в творчестве Белинского демократизм, чуждый до того революционности, превращается в демократизм революционный.

К этому времени передовая традиция дворянской идеологии утрачивает свою революционность, характерную для первого этапа освободительного движения в России. Такая утрата намечается после 1825 г., поражения декабрьского восстания. Дворянская революционность постепенно превращается в дворянский либерализм, а позднее нередко и в дворянскую консервативность. Эту эволюцию можно проследить не только на судьбе идеологии в целом, но и на изменении взглядов отдельных людей. Так, например, П. А. Вяземский, близкий в 20-е гг. декабристским настроениям, в 40-е негодует по поводу выступлений Белинского, придерживается весьма консервативных взглядов[5]. И все же о прошлом таких людей нельзя забывать.

Для отдельных представителей дворянской идеологии был, правда, и другой путь: разрыва не с революционностью, а с дворянской традицией, перехода на позиции революционности демократической, путь Герцена и Огарева.

Судьба славянофильской периодики, славянофильства в целом, как нам думается, отражает эволюцию декабристской традиции дворянской мысли. Нередко современные исследователи противопоставляют славянофилов декабристам. Так, например, в статье А. Г. Дементьева ««Концепция», «конструкция» и «модель»», опубликованной в ходе дискуссии о славянофильстве, говорится, что отношение славянофилов к декабристам «было резко отрицательным, как и к любому другому насильственному революционному восстанию, а объяснение движения декабристов почти не отличалось от официального»[6]. По мнению Дементьева, враждебное отношение к декабристам вытекает из общей реакционности славянофильской концепции. В качестве же подтверждения подобной враждеб-

---

[4] Г. В. Плеханов. М. П. Погодин и борьба классов. Сочинения. Т. XXIII. М.—Л., 1926, с. 97. Далее: Плеханов.

[5] См., например, статью П. А. Вяземского «Языков — Гоголь» и отклики на нее Белинского в зальцбруннском письме к Гоголю (IX, с. 219).

[6] «Вопросы литературы», 1969, № 7, с. 125.

ности Дементьев ссылается на «Записку» К. С. Аксакова «Внутреннее состояние России», поданную Александру II. Но нельзя же не учитывать общий контекст «Записки», ее задачи, стремление побудить царя к отмене крепостного права, к реформам, тактические соображения, вызванные тем, что «Записка» была адресована императору и т. п. Ведь подобные соображения определяли во многом и содержание обращений Герцена к Александру II. Сказанное не дает основания подозревать Аксакова в неискренности. Конечно, после поражения декабрьского восстания, в период кризиса дворянской революционности, для многих, в том числе и для Аксакова, становится ясным, что путь декабристов несостоятелен, что они, в частности, — страшно далеки от народа[7]. Но неприятие такого пути еще не означало враждебности. И даже если бы была враждебность, то следовало бы делать вывод не о славянофильстве в целом, а о воззрениях Константина Аксакова второй половины 1850-х гг.

Вопрос о славянофилах и декабристах значительно сложнее, чем он изображается в статье Дементьева, о чем свидетельствуют, между прочим, «Записки Александра Ивановича Кошелева», видного славянофила, издателя и редактора журнала «Русская беседа», вышедшие в Берлине в 1884 г., так как, по словам жены Кошелева, опубликовавшей их, «печатание их в России, при существующих теперь цензурных требованиях, возможно не иначе, как со многими выпусками и сокращениями»[8]. Декабристские страницы «Записок» Кошелева хорошо известны, хотя иногда исследователи, умышленно или неумышленно, забывают о них. Здесь упоминается о вечере, проведенном в декабре 1824 г. вместе с Рылеевым, Пущиным, Оболенским, о горячем сочувствии к восстанию и готовности принять участие в революционных действиях, о том, что один из членов кружка, адьютант П. А. Толстого, «тогда командовавшего корпусом, расположенным в Москве и ее окрестностях, брался доставить своего начальника связанного по рукам и ногам <...> Предложениям не было конца; а мне, юноше, казалось, что для России уже наступил великий 1789 год»[9]. Казнь руководителей декабристов вызвала в кружке Кошелева «ужас и уныние, которые овладели всеми <...> словно каждый лишился своего отца или брата»[10]. Мать Кошелева ожидала его ареста, «ей постоянно чудилось, что за мною ночью приехали, и потому, на всякий случай, она приготовила в моей

---

[7] Ср. со стихотворением Ф. И. Тютчева «14-е декабря 1825». Об этой оторванности декабристов от народа писал В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена».

[8] Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлин, 1884, с. V. Далее: Кошелев.

[9] Там же, с. 14.

[10] Там же, с. 18.

комнате теплую фуфайку, теплые сапоги, дорожную шубу и пр.»[11]. Сам же будущий автор «Записок» и его друзья «даже почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность и мученический венец»[12].

Знаменательно, что сочувственного отношения к декабристам Кошелев не меняет и позднее, когда он пишет «Записки». Он не сожалеет о своих «юношеских увлечениях», как он мог бы их назвать. Более того, в книге ощущается презрение к тем, кто изменил светлым мечтам молодости, оказался в лагере реакционеров (Н. И. Трубецкой).

«Записки» Кошелева в какой-то степени ориентированы на «Былое и думы» Герцена, ориентированы во многом полемично, но во многом и сочувственно. Не случайно, видимо, в обеих книгах совпадают начальные даты отсчета событий — 1812 г.[13]. Совпадает отчасти у Герцена и Кошелева также рассказ о 1825 г. Не исключено, что вспоминая о декабристах, Кошелев имел в виду и определенные страницы «Былого и дум», где, между прочим, шла речь о соотношении декабристской и славянофильской мысли. Там, как известно, отвергая путь славянофилов, Герцен сближал их с западниками, называл «врагами-друзьями», которые «смотрели в разные стороны в то время, как *сердце билось одно*»[14]. Чаадаев и славянофилы, по словам Герцена, думая о русской николаевской действительности, «равно спрашивали: «Что же из этого будет? Так жить невозможно: тягость и нелепость настоящего очевидны, невы-

---

[11] Кошелев, с. 16.

[12] Там же, с. 16—17. Об отношении Кошелева к декабристам см. <Н. Колюпанов> Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. I, кн. II. М., 1889, с. 173—174. Колюпанов, если сравнивать с воспоминаниями Кошелева, несколько преуменьшает воздействие на него декабристских идей. См. также статьи М. Аронсона «К истории «Медного всадника» Пушкина», ««Конрад Валленрод» и «Полтава»» — «Временник Пушкинского дома», М.—Л., 1936, №№ 1, 2. Аронсон связывает славянофильство с воздействием декабристских идей, рассматривает его как «переход некоторых деятелей дворянской оппозиционной общественности 20-х гг. на новые идеологические позиции», как «вырождение революционной идеологии, оторванной от революционной тактики» («Временник...», № 2, с. 46, 48), и здесь с ним нельзя не согласиться. Однако он не видит разницы между славянофилами и «официальной народностью», Погодиным и Шевыревым, считает славянофилов примирившимися с царизмом, превратившимися в орудие реакции и контрреволюции (с. 48, 50), что вряд ли верно. О декабристских страницах «Записок» Кошелева упоминает Е. Маймин в статье «Нужны конкретные исследования», опубликованной во время дискуссии о славянофилах («Вопросы литературы», 1969, № 10), справедливо видя в них доказательство того, что славянофилы не были одинаковыми. Но роль декабристских страниц не только в этом, а и в прояснении вопроса об исторических корнях славянофильства.

[13] Эта дата у Кошелева, который родился в 1806 г., не определяется годом рождения. У Герцена она также выходит за рамки лично-биографического смысла и определяется вниманием к переломным моментам эпохи.

[14] А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах. Т. IX. М., 1956, с. 133. Далее: Герцен.

носимы — где же выход?»»[15]. Автор «Былого и дум» отмечает «сломанность» славянофилов, «заеденных николаевским временем»[16], и эту «сломанность» он объясняет тем, что они родились «слишком поздно», что 14-е декабря застало их юношами; «они были слишком молоды, чтоб участвовать в заговоре, и не на столько дети, чтоб быть в школе после него»[17]. Такие размышления Герцена относятся не только к прошлому славянофилов, к двадцатым годам, но и делают понятной их позицию в сороковые. Последняя, по Герцену, порождена вовсе не боязнью революционных потрясений, отнюдь не равнозначна правительственной идеологии, в которой «народность» и православие определены бегством «от революционных идей. Общего между ними ничего не было, кроме слов»[18].

Оценки славянофилов в «Былом и думах», конечно, во многом связаны с «русским социализмом» самого Герцена, и тем не менее нельзя сбрасывать их со счетов. Думается, что герценовская характеристика славянофилов, как опоздавших родиться декабристов, не является ошибочной и может быть отнесена, по крайней мере, к некоторым из них. Следует при этом, конечно, учитывать, что славянофильство — явление сложное и неоднородное, что Хомяков, Аксаковы, Киреевские и др. шли к славянофильству различными путями, что Кошелев занимал в нем особую позицию, что славянофильство складывалось в результате многих идейно-теоретических воздействий, в том числе, как известно, воздействия русского шеллингианства. Следует помнить, что и дворянская революционность не представляет собой чего-то цельного и монолитного, что в разные этапы своего развития она была разной, что в декабристском движении существовали разные оттенки и течения, что славянофилы наиболее близки той традиции, которая связана с именами П. А. Катенина, А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбекера. Конкретный сопоставительный анализ славянофильства и определенных течений движения декабристов мог бы, по нашему мнению, стать предметом интересного специального исследования. Не ставя перед собой подобной задачи, решимся утверждать, что славянофильство, при всех приведенных выше оговорках, отражало эволюцию дворянской революционности, переход ее в дворянский либерализм в условиях кризиса этой революционности. Такой кризис, невозможность найти реальный выход на зашедшем в тупик пути приводили к поискам решений, оказавшихся иллюзорными, к созданию различного рода социальных утопий, в том числе славянофильских. В упомянутом плане славянофильство сходно с воззрениями позд-

---

[15] Герцен, с. 147.
[16] Там же, с. 159.
[17] Там же, с. 161.
[18] Там же, с. 137.

него Гоголя, с концепциями Чаадаева, с теориями, отражающими воздействие на русскую мысль идей европейского утопического социализма, хотя, конечно, конкретное направление поисков в каждом отдельном случае было различным.

На связь славянофилов с идеями утопического социализма указывал еще Плеханов, считавший славянофилов разновидностью «официальной народности». Положения, сформулированные Плехановым, во многом определили отношение советских исследователей к славянофилам. Плеханов многократно обращался к вопросу о славянофильстве. Он, правда, так и не написал обещанную читателям статью «Славянофилы и западники», которую собирался опубликовать в журнале «Современный мир», дав там подробный анализ славянофильских воззрений, но, тем не менее, свою характеристику славянофильства, как течения охранительного, смыкавшегося с «официальной народностью», Плеханов высказал с полной ясностью. Особенно детально сделано это в статье «М. П. Погодин и борьба классов». По мнению Плеханова, между славянофильством и «официальной народностью» отсутствовали «какие-нибудь *существенные разногласия*», а имелись лишь «*простые оттенки* одной и той же мысли, оттенки почему-либо неприятные или неудобные для одной из сторон»[19]. Плеханов полемизирует с мнением А. Н. Пыпина, считавшего, что взгляды представителей «официальной народности», Погодина и Шевырева, «коренным образом отличаются от славянофильства»[20]. По словам же Плеханова, при всей правдоподобности такого мнения, с учетом всех фактов, казалось бы свидетельствующих в его пользу, оно ошибочно; «*принципиального разногласия*» между славянофильством и «официальной народностью» не было; они могли отличаться «теми или иными *видовыми* признаками, но эти два учения имели однаковые *родовые* признаки»[21]. Оба учения, по Плеханову, реакционны, вызваны страхом перед революцией, в основе их лежит отрицание классовой борьбы, они знаменательны, «как идейная реакция против общественных потрясений, вызываемых классовой борьбой в западной Европе»[22]; в сущности они — «одно и то же учение»[23], в его различных преломлениях, где оттенки можно объяснить разницей воспитания, вкусов, манер, привычек, происхождения, тем, что славянофилы — дворяне, а Погодин — разночинец[24].

---

[19] Плеханов, с. 46.
[20] Там же, с. 45.
[21] Там же, с. 49.
[22] Там же, с. 82.
[23] Там же, с. 96.
[24] Там же, с. 46, 97, 100.

Аналогичные выводы повторяются в статье Плеханова «И. В. Киреевский», где утверждается, «что из мнений И. В. Киреевского, — как и вообще из мнений славянофильской школы, — выросла вся та реакционная идеология, на которую доныне опираются наши враги народной свободы и народного просвещения» и что «нам всем уже давно пора отделаться от того, — весьма распространенного, — предрассудка, согласно которому славянофильское учение заключало в себе какие-то прогрессивные элементы. Таких элементов в нем не было. Чтобы выразиться совершенно точно, я скажу иначе: такие элементы были в нем близки нулю»[25].

Многочисленные и резко отрицательные оценки славянофильства Плехановым содержат в себе много истинного и справедливого. Плеханов совершенно прав, раскрывая несостоятельность предлагаемого славянофилами пути развития, в критике их отношения к классовой борьбе, к православной религии и т. п. Он вполне верно и четко определяет дворянский характер славянофильской идеологии. Очень важны, и не только для выяснения отношений славянофильства и «официальной народности», его рассуждения о том, что разночинцы в России вовсе не всегда шли во главе общественного движения (см. с. 38). И все же его окончательные выводы о славянофильстве вряд ли могут быть приняты современной наукой.

В. Кулешов, в статье «Славянофильство, как оно есть», опубликованной во время дискуссии, справедливо упрекает тех исследователей, которые, приводя высказывания Белинского, Герцена, Чернышевского в пользу славянофилов, не учитывают цельного контекста[26]. Плехановскую критику славянофилов также необходимо рассматривать в таком контексте, причем в контексте не отдельной статьи, а всей идейной борьбы конца XIX — начала XX в. Антиславянофильские выводы Плеханова были, конечно, в первую очередь ориентированы на ту полемику, которую в России вели марксисты с народниками. Большинство критических высказываний о славянофилах служат у Плеханова раскрытию несостоятельности народнических концепций. Уже в работе «Наши разногласия» (1884) Плеханов отмечает, что программа ««Народной воли» «была поставлен-

---

[25] Плеханов, с. 103. Подобные мнения позднее высказывает А. В. Луначарский. В стенограмме лекции «А. И. Герцен и люди сороковых годов», прочитанной им в 1924—25 гг. студентам Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, Луначарский рассматривает славянофильство как протест помещиков против всего, что нарушало их спокойствие. Славянофилы, по Луначарскому, — помещики талантливые, приложившие много ума, чтобы оправдать свое существование, но их теория — глубоко реакционная: «славянофилы создают в сущности теорию крепостническую, но празднично декорированную, позолоченную» («Литературный критик», 1937, № 4, с. 58).

[26] См. «Вопросы литературы», 1969, № 10, с. 138—139.

ным на голову бакунизмом с его славянофильским противопоставлением России Западу»[27]. Положения, высказанные в статье одного из видных тогда народников, позднее ренегата, Льва Тихомирова[28], Плеханов сближает с воззрениями И. Аксакова и Каткова, объединяя последних, называя Тихомирова «человеком Востока», не способным «отказаться от своего славянофильского презрения к Западу»[29]. Говоря о формировании народничества, о почитателях Чернышевского, которые заботились лишь о букве его учения, Плеханов считает, что «ученики» из смеси результатов исследований Чернышевского «с славянофильскими тенденциями образовали ту своеобразную теоретическую амальгаму, из которой выросло потом наше *народничество*»[30].

Славянофилов и народников Плеханов сближает на всем протяжении своей деятельности. Он говорит об ошибочности пути «отдельных догадок и пророчеств, по которому так далеко ушли славянофилы и народники»[31]. Полемизируя с Ивановым-Разумником, Плеханов возражает против его попыток доказать, что стремление народников воскресить прошлое русского народа, отделив в этом прошлом хорошее от дурного, означает «преимущество народничества перед славянофильством»[32].

Естественно, такая постоянная проецированность славянофильства на народничество, в условиях ожесточенной борьбы с последним, сказалась на объективности оценок Плехановым славянофилов. Нуждаются, в частности, в уточнении выводы Плеханова об отношении к славянофилам Чернышевского. Плеханов сообщает о сочувственных отзывах Чернышевского о славянофилах. Он упоминает о неподдельном уважении к славянофилам, высказанном Чернышевским в «Очерках гоголевского периода». Плеханов объясняет такие положительные оценки и тем, что Чернышевский в «Очерках...» избегал полемики, и тем, что ему импонировали во многом славянофильские взгляды на общину[33]. Но позднее, по Плеханову, Чернышевский пересмотрел свой взгляд на славянофилов, когда выявился ясно их обскурантизм. Он отзывается о них крайне резко, отрицая их антизападничество, панславизм, их похвалы русскому самодержавию[34].

Эволюция взглядов Чернышевского на славянофильство намечена Плехановым, в основном, верно, но некоторые от-

---

[27] Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах. Т. 1. М., 1956—1958, с. 125. Далее: Плеханов. Избр.

[28] Статья «Чего нам ждать от революции?» — «Вестник Народной воли», 1884, № 2.

[29] Плеханов, Избр., т. I, с. 200.

[30] Там же, с. 173.

[31] Там же, т. IV, с. 518.

[32] Там же, т. V, с. 568.

[33] Там же, т. IV, с. 136.

[34] См. там же, с. 144—147, 210.

тенки ее не учтены. Поэтому на ней, возможно, небесполезно остановиться. Хорошо известно, о чем говорил и Плеханов, сочувственное отношение Чернышевского к славянофилам, высказанное в «Очерках...». Чернышевский и здесь решительно не согласен с мнениями славянофилов, но он считает, что в их учении есть «некоторые стороны и безусловно хорошие», что цель их заслуживает одобрения, хотя нельзя принять средств, предлагаемых для ее достижения[35]. Чернышевский говорит об *односторонности*, а не об ошибочности славянофильского воззрения, с уважением упоминает «мнения лучших последователей школы», их горячую любовь к просвещению, искренность убеждений: «Они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе, а эти качества достаточно ручаются за чистоту и возвышенность их намерений»[36]. Следует обратить внимание, что речь здесь идет не столько о личных качествах того или другого из славянофилов, а об их общественной позиции, о намерениях и целях, о горячей любви к просвещению и т. п. Как и Герцен, Чернышевский отграничивает идеи славянофилов от официального «патриотизма» издателей «Москвитянина», Погодина и Шевырева. И хотя, как и у Герцена, отношение Чернышевского к славянофилам, видимо, объяснялось отчасти его взглядами на общину, на пути развития России и т. п., это не перечеркивало целиком объективность его оценок.

Позднее Чернышевский уделяет серьезное внимание взглядам славянофилов на подготовку отмены крепостного права, на общину, на крестьянский вопрос в целом. Неоднократно в его статьях с похвалой упоминается о «Сельском благоустройстве» — приложении к «Русской беседе» А. И. Кошелева, — где специально разрабатывался вопрос о принципах проведения крестьянской реформы[37]. Естественно, Чернышевский был далек от точки зрения славянофилов на реформу, он хорошо понимал, «что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, <...> что оно только и в состоянии произвести «мерзость»»[38]. В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» он указывал, что борьба за сохранение общины, которую вели славянофилы, — лишь одна сторона дела. Хрестоматийно известна его «парабола» о провизии для обеда, которая «не принадлежит вам» и за которую «берутся с вас деньги, которых не только не стоит самый обед, но которых вы вообще не можете

---

[35] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. II, М., 1939—1953, с. 85, 86, Далее: Чернышевский.
[36] Там же, с. 78, 84.
[37] Там же, т. V, с. 149, 179 и др.
[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 1, с. 292. Далее: Ленин.

платить без крайнего стеснения»[39]. Эта «парабола» направлена и против либералов, и против славянофилов. Чернышевский, правда, прямо не утверждает, что славянофилы требуют взыскивать с народа за «обед» непосильную плату, но считает, что они оставляют в стороне вопрос о «гарантиях благосостояния»[40] народа, вне решения которого дискуссия об общине вообще теряет свой смысл.

Позднее, в 1860—1861 гг., отношение Чернышевского к славянофилам становится гораздо более непримиримым. Он резко оценивает их деятельность в статьях «О причинах падения Рима», «Полемические красоты», «Народная бестолковость», «Самозванные старейшины» и др. В первой из них, анализируя сочинение Гизо «История цивилизации во Франции от падения Западной Римской империи», полемизируя с мнением о том, что Рим пал вследствие внутренней необходимости, из-за того, что его начала изжили себя, Чернышевский прямо заявляет, что его рассуждения имеют непосредственное отношение к вопросу о Западной Европе и России. Чернышевский высмеивает утверждения тех, кто считает, что отсталая, самодержавно-крепостническая Россия обновит ветхую Европу. С точки зрения же самого Чернышевского, за исключением общины, в русском «общественном и частном быте» нет «ни одного учреждения или хотя бы зародыша учреждения для предсказываемого ими обновления ветхой Европы нашею свежею помощью»[41].

Даже к общине, по мнению Чернышевского, Европа идет своим независимым путем. Чернышевский выступает здесь как убежденный «западник», сторонник европейского пути развития. Его противопоставление Европы современной ему России направлено против всякой идеализации русского помещичьего самодержавно-бюрократического государства, против всех «устоев», на которых оно зиждется. Чернышевский не забывает отметить, что он далек от восхищения «нынешним состоянием Западной Европы», но в то же время полагает, «что нечем ей позаимствоваться от нас»[42].

Подобные рассуждения направлены, казалось бы, в первую очередь против славянофилов. И тем не менее Чернышевский дважды говорит в статье (с. 661, 663), что его выводы имеют в виду не их. Он, правда, весьма иронически упоминает о славянофилах, но замечает при этом, что они крайне малочисленны, что «часто встречаются люди, любящие дешевым манером подсмеиваться над ними...»[43]. В статье идет речь не только

---

[39] Чернышевский, т. V, с. 360—361.
[40] Там же, с. 360.
[41] Там же, т. VII, с. 663.
[42] Там же, с. 661.
[43] Там же, с. 661.

о славянофилах, но и обо всех тех, кто предпочитает «русский» путь европейскому, стремится навязать его Западной Европе. В первую очередь, видимо, имеется в виду Герцен, его статья «Русский народ и социализм»[44].

В «Полемических красотах. Коллекция вторая», говоря о похвалах «Отечественных записок» воинствующему философу-идеалисту П. Д. Юркевичу, Чернышевский с насмешкой отзывается о тех, кто видит в И. В. Киреевском серьезного философа. Здесь же попутно с иронией упоминается и имя Хомякова[45].

Непосредственно направлены против славянофилов статьи Чернышевского «Народная бестолковость» и «Самозванные старейшины». «Народная бестолковость» — отклик на первые два номера славянофильского «Дня». Отповедь Чернышевского вызвала позиция редакции «Дня», объективно сливавшаяся с панславизмом, что вело, хотели того издатели славянофильской газеты или нет, к идеализации царского правительства, его экспансионистской политики, которая, там, где касалось вопроса о славянстве, противопоставлялась И. Аксаковым действиям европейских государств. По мысли Чернышевского, Западные и Южные славяне вовсе не заинтересованы в поглощении их самодержавной Россией, в подчинении деспотической власти русского самодержавия. В статье «Народная бестолковость» резко осуждаются и антипольские высказывания редакции «Дня»[46].

Против панславистских тенденций славянофилов, их религиозной нетерпимости, противопоставления славянства европейским народам направлена статья Чернышевского «Самозванные старейшины». С иронией о «рьяных славянофилах», об их панславистских претензиях на европейские города, об их «завоевательной хлестаковщине» пишет Чернышевский в статье «Руководство к сравнительной статистике Г. Ф. Кольба»[47]. Подобные статьи, опубликованные в 1861—62 гг., незадолго до ареста Чернышевского, отражая остроту общественной борьбы, выдержаны в крайне резких тонах. Критик «Современника» едко высмеивает общую несостоятельность славянофильских концепций, желание славянофилов переделать Запад по своим меркам или, по крайней мере, отмежеваться от него. Чернышевский иронизирует над их претензиями, над «самохвальством», над попытками объявить славянофильское учение «поворотной точкой в истории русского просвещения»[48]. В связи с панегириками «Дня» славянофильским сочинениям,

---

[44] Чернышевский, т. VII, с. 1035.
[45] Там же, с. 761.
[46] Там же, с. 831—832.
[47] Там же, т. X, с. 487, 489.
[48] Там же, т. VII, с. 830, 829.

неумеренными похвалами Ивана Аксакова произведениям своего брата Константина, Чернышевский обвиняет славянофилов в «совершенном забвении расчетов приличия и уместности»[49]. Причем речь идет не только об ошибочности и нелепости славянофильских воззрений, но о том, что такие воззрения, повторяемые другими, приобретают обскурантский смысл[50].

При всей заостренности формулировок, высказанных в пылу полемики, основные обвинения, направленные против славянофилов, верно отражали истинное положение дел. И, тем не менее, они не перечеркивали того, что говорил Чернышевский о славянофилах в «Очерках гоголевского периода...», не отменяли его утверждений о коренной разнице, существующей между славянофильством и «официальной народностью». Ведь и в «Очерках...» отмечалась ошибочность славянофильских оснований, реакционность выводов, «до которых могут и должны привести эти основания, будучи логически развиты»[51]. Чернышевский и в «Очерках...» безоговорочно заявляет, что он никогда не разделял и не чувствует «ни малейшего влечения разделять мнения славянофилов»[52]. Но это не приводит его к прямолинейному отождествлению славянофилов с лагерем реакционеров, с «официальной народностью».

Такого отождествления нет и в последующих статьях, хотя акценты в них, в связи с развернувшейся полемикой, с общей эволюцией славянофильства вправо, с изменением взглядов самого Чернышевского и т. п., существенно меняются. Чернышевский называет славянофилов «чудаками», для которых «всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживления умирающей Европы»[53]. Он указывает на пристрастие их «к разным другим предметам», кроме сочувствия своему народу и другим славянским народам, сочувствия, которое, по Чернышевскому, не является монополией славянофилов, не отделяет их от их противников[54].

Однако приведенные выше слова о «нашей дряни» и «других предметах» не дают никакого основания толковать их как синоним понятия «царское самодержавие»[55]. С комментатором статьи «Народная бестолковость» в данном случае вряд ли можно согласиться. Весь контекст этой статьи позволяет утверждать, что речь идет об ошибочности, нелепости славянофильских концепций, а не о их тождестве с правительственной идеологией, не о восхвалении самодержавия. Чернышевский неоднократно обращает внимание на беспочвенность, наив-

---

[49] Чернышевский, т. VII, с. 832.
[50] Там же, с. 831.
[51] Там же, т. III, с. 80.
[52] Там же, с. 78.
[53] Там же, т. VII, с. 663, 664.
[54] Там же, с. 829.
[55] Там же, с. 1044.

ность, прекраснодушную мечтательность славянофилов, приводящих их к самым фантастическим выводам. Так в «Полемических красотах» он называет «доброго и почтенного» И. В. Киреевского «наивным мечтателем»[56]; он говорит о славянофильской «бестолковости» а не о подлости, реакционности, о том, что они «сбились с толку в своих понятиях», что их система «происходит только от неумения их понять» отношения русской и других народностей[57]. Многие из славянофилов, по словам Чернышевского, — «люди, чистосердечно заблуждающиеся и не имеющие никаких сознательно дурных намерений»; «мы нисколько не подозреваем таких людей, как г. И. Аксаков во вражде к прогрессу»[58]. Даже в разгар полемики Чернышевский не забывает, что, «разумеется, никто из порядочных людей между славянофилами» не истолковывает своих слов о необходимости борьбы с Западом в духе вражды к улучшениям, к просвещению. Но объективно, по мнению Чернышевского, их слова близки к такому значению, приобретают «обскурантский смысл в устах очень многих плохих людей», которых славянофилы воспринимают как единомышленников и которые «дурачат их наивность»[59]. Эти «хитрецы» умышленно вводят «в заблуждение своих простосердечных товарищей», и если бы «говорить об этих хитрецах, пришлось бы характеризовать славянофильство» не словами «народная бестолковость», хотя и резкими, но относительно невинными, «а другими — вероятно, более мягкими, но имеющими не такой невинный смысл»[60].

Итак, даже в пылу борьбы, критикуя славянофилов 60-х гг., существенно отличавшихся от своих предшественников, указывая на объективную реакционность выводов, вытекавших из славянофильских концепций, Чернышевский не отождествлял славянофилов с реакционерами — «хитрецами», не превращал их в идеологов русского царизма, защитников официальной «народности» и «патриотизма». Тем менее оснований считать, что он коренным образом пересмотрел свои оценки, данные в «Очерках гоголевского периода...» славянофилам 40—50 гг. Плеханов вряд ли прав, комментируя таким образом поздние статьи Чернышевского.

Говоря о взглядах Плеханова на славянофильство, следует учитывать и то, что в них отразилась борьба русских марксистов с идеологией «веховского» толка, с работами М. Гершензона, Н. А. Бердяева, с теми, кто в начале XX в. обратился к славянофильским воззрениям для обоснования различного рода теологических систем. В статье «О книге М. Гершензона «Исто-

---

[56] Чернышевский, т. VII, с. 761.
[57] Там же, с. 848.
[58] Там же, с. 848, 831.
[59] Там же, с. 831.
[60] Там же, с. 848.

рические записки»» Плеханов показывает, что Гершензона привлекает в славянофилах их приверженность к религии: «Г-н Гершензон убежден в том, что нормально мыслящий человек не может обойтись без религии. Славянофилы потому и дороги ему, что они давно высказали подобное же убеждение»[61]. С этой же точки зрения рассматривает Плеханов интерпретацию славянофильства у Бердяева. В статье «О книге Н. А. Бердяева «А. С. Хомяков»» Плеханов объясняет приверженность Бердяева к славянофильству таким образом: «Г-н Бердяев, как известно, давно уже «ходит по верам». Когда-то он забрел даже в марксизм, но, разумеется, не мог им удовлетвориться и пошел «*дальше*». Теперь он остановился, — неизвестно, надолго ли, — на точке зрения православия. И это обстоятельство является одною из причин его сочувствия вообще к славянофилам и, в частности, к А. С. Хомякову, который был самым выдающимся *богословом* славянофильства»[61].

Плеханов был совершенно прав в критике «веховцев», в утверждении несостоятельности попыток доказать преимущество религиозного миросозерцания по сравнению с «рационалистическим»[62], характерных и для славянофилов, и для их реакционных истолкователей типа Гершензона и Бердяева. Но и здесь, когда речь шла об оценке славянофильской системы в целом, ее места в русском общественном движении, появлялся некоторый привходящий оттенок, определяемый логикой борьбы начала XX в.

Следует, наконец, отметить и элементы прямолинейного, социологизированного подхода, которые иногда встречаются у Плеханова. Ведь оценки славянофильства высказаны Плехановым в ряду других утверждений, с которыми вряд ли может безоговорочно согласиться современный исследователь. В статьях, в которых речь идет о славянофильстве, говорится и об «аристократических пристрастиях» Пушкина, о том, что он несколькими стихами и статьями «согрешил» «в духе «официальной народности»», что Герцен в «Письмах об изучении природы» отнюдь не материалист, что он «колебался между идеализмом и материализмом, *при чем был ближе к первому, нежели ко второму*»[64]. Требует особых разъяснений плехановское толкование позиции Белинского конца 1840-х гг., письма П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. и т. п. Плеханов убежден, что Белинский, не «открыв в народе никаких прогрессивных элементов и не питая ни малейшей надежды, что протест против нашей печальной действительности выйдет из народной среды, <...> поневоле повернул свои взоры к царскому

[61] Плеханов, с. 38.
[62] Там же, с. 112.
[63] Там же, с. 39.
[64] Там же, с. 66, 68, 23.

трону <...> В последние годы своей жизни Белинский не раз высказывал ту мысль, что развитие России совершалось *сверху вниз, а не снизу вверх*, т. е. что все прогрессивное являлось у нас *по почину правительства, а не по почину народа*»[65]. По словам Плеханова, во взглядах Белинского на народ, как и у славянофилов, «не было места элементу развития»; согласно такому воззрению народу было отказано «в способности к исторической самодеятельности»[66]. Аналогичным образом толкует Плеханов отношение к народу Некрасова, сближая в определенном плане поэта революционной демократии не только со славянофилами, но и с «официальной народностью», с Погодиным: «Если сотрудники «Москвитянина» считали терпение, кротость и покорность наиболее характерными чертами русской народной массы, то ведь почти так же смотрел на народ и издатель «Современника» Некрасов»[67].

Говоря о коренном отличии оценок Белинским, Некрасовым и «москвитянами» народных черт, особенностей русского исторического развития, признававшихся «обеими сторонами», Плеханов находит, что в признании наличия этих черт обе стороны сходятся: «Народ представляется Некрасову в том же виде, в каком он представлялся сотрудникам «Москвитянина»»[68].

В такого рода высказываниях далеко не все было ошибочным. Во всяком случае, плехановская постановка вопроса значительно более правомерна, чем подход некоторых современных исследователей, предпочитающих вовсе не упоминать о подобных предметах или давать им весьма произвольное толкование[69]. Тем не менее, безоговорчно присоединиться к выводам Плеханова, конечно, нельзя. Нельзя и вырвать из общего контекста его высказываний о славянофилах.

Этот контекст во многом поможет решить вопрос о соотношении славянофильства с утопическими поисками выхода из безвыходного в данном случае положения, с идеями утопического социализма.

Говоря о таких идеях, Плеханов прямо сближает славянофилов с их противниками, с Чаадаевым, «западниками», Белинским. По его мнению, взгляд Чаадаева на будущее России «был выработан с помощью тех самых приемов мышления, которые свойственны были *всем утопическим реформаторам*»[70].

---

[65] Плеханов. Избр., т. IV., с. 493.
[66] Там же, с. 495.
[67] Плеханов, с. 85.
[68] Там же, с. 86.
[69] См., например, полемику Ф. Я. Приймы с Б. Ф. Егоровым и Н. К. Геем («Русская литература», 1974, № 1, 1975, № 3; «Вопросы литературы», 1973, № 3, 1974, № 11).
[70] Плеханов, с. 18.

В этом Чаадаев, по Плеханову, не отличался от славянофилов; более того: «надо признать, что в чаяниях Чаадаева было еще больше элементов утопий, нежели в рассуждениях славянофилов, как ни дико рассуждали подчас эти последние»[71]. Рассматривая путь Белинского, упоминая о периоде, когда критик отошел от «примирения с действительностью», Плеханов считает, что тот принял отвлеченную идею социализма, социализма утопического, оторванного от реальной почвы и поэтому абстрактного и бессильного[72]; в силу условий развития общества, как и европейские мыслители, «Сен-Симон, Консидеран и другие социалисты-утописты», Белинский, «по окончанию его перемирия с действительностью, должен бы стать на утопическую точку зрения»[73]. И в этом он не противостоял славянофилам: «Это был тот же самый путь отрадных догадок и пророчеств, по которому так далеко ушли наши славянофилы и народники»[74].

Плеханов приводит воспоминания К. Д. Кавелина, где говорится, что Белинский выражал славянофильские мысли о путях решения в России вопроса об отношении труда и капитала. Такой «чисто славянофильский взгляд», по мнению Плеханова, мог возникнуть у Белинского, «непримиримого врага славянофилов», «только как результат увлечения утопическим социализмом»[75]. И ряд положений о русской личности, высказанных Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», в письме к Боткину от 8 марта 1847 г., по Плеханову, «широко открывало двери славянофильскому взгляду на социальный вопрос в России»[76].

Когда же в конце 1840-х гг. Белинский преодолевает влияние идей утопического социализма, пытается встать на реальную почву, этот поворот, по мысли Плеханова, определяет параллельно и надежды на царя, и разочарование в «способности к исторической самодеятельности» народа, о чем шла речь выше (см. с. 51), и более резкое неприятие славянофильских доктрин. Плеханов цитирует письмо Белинского к Анненкову от 15 февраля 1848 г., в котором содержится сближение славянофилов с М. А. Бакуниным, Жорж Занд, Луи Бланом: «Не удивляйтесь сближению: лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг; они высосали эти понятия из социалистов и в статьях своих цитируют Жорж Занда и Луи Блана»[77].

---

[71] Плеханов, с. 20.
[72] Там же, с. 140, 141.
[73] Плеханов, Избр., т. IV, с. 459, 460.
[74] Плеханов, с. 142.
[75] Плеханов. Избр., т. IV, с. 460.
[76] Там же, с. 461.
[77] Там же, с. 493. Верующий друг — М. А. Бакунин.

Представители последующих поколений русской передовой мысли, революционные разночинцы 60—70 гг., вступившие в «революционную борьбу с правительством», считающие, что существующий порядок «будет разрушен «*снизу*», т. е. народной революцией», по Плеханову, вновь в каких-то аспектах сближаются с славянофилами: «Потому-то они так охотно и заимствовали у славянофилов их идеализацию русского народа вообще и некоторых сторон правовой и экономической жизни народа в частности»[78].

Итак, утопизм видных представителей передовой русской мысли рассматривается Плехановым в определенном плане в одном ряду с утопиями славянофилов. Конечно, оценка Плехановым позднего Белинского не во всем справедлива, о чем уже говорилось в статье. Нельзя забывать также, что утопические поиски в разных случаях велись в совершенно разных направлениях, что разной была степень их оппозиционности существующему порядку, объективная ценность их содержания и пр. Следует помнить и о различной социальной почве дворянского и разночинно-демократического утопизма, порождающей своеобразные черты каждого из них. Да и дворянский утопизм не был однородным явлением, проявлялся в воззрениях, совсем не похожих друг на друга. Сам Плеханов отнюдь не думал об отождествлении всех этих «утопизмов», но сближение славянофилов и социалистов-утопистов на почве *утопичности* их позиций, сделанное Плехановым, нельзя не признать верным и справедливым.

И относясь к славянофилам резко отрицательно, далеко не во всем справедливо, Плеханов не замалчивал их попыток обращения к реальной логике развития русской общественной жизни, сближал эти попытки с вопросами, поставленными на повестку дня поражением восстания декабристов, стремлением найти пути к народу. В статье «Идеология мещанина нашего времени» он цитировал слова Герцена из книги «Развитие революционных идей в России» о том, что народ остался равнодушным к 14-му декабря, что нужно было восстановить связь между народом и мыслящей частью общества[80]. Плеханов согласен с Герценом, что над решением этой задачи бились и западники, и славянофилы. С его точки зрения, славянофилы в таких поисках шли в чем-то даже впереди западников; у них «уже было более или менее смутное сознание того, что различные стороны общественной жизни связаны между собой такою связью, которая не может быть нарушена по усмотрению интеллигенции <...>Вот почему славянофилы были нередко совершенно правы в своей критике западничества, как

[78] Плеханов. Избр., т. IV, с. 493, 494.

[80] Там же, т. V, с. 572. См. Герцен, т. VII, с. 214. См. также статью, с. 41, 42.

оно проявилось в утопиях Чаадаева, народников и субъективистов»[81].

Славянофилы, по словам Плеханова, пытались в какой-то степени преодолеть абстрактный утопизм; они «раньше западников почувствовали необходимость аппеляции к внутренней, объективной логике нашего общественного развития. Но эта аппеляция привела их туда, куда совсем не стремились попасть, по крайней мере, *первоучители* славянофильства»[82].

Напомним, что, по Плеханову, аналогичная попытка Белинского порвать с утопиями, встать на почву действительности привела «неистового Виссариона» к чему-то сходному, к надеждам на царскую власть, к разочарованию в революционных потенциях народа. Думается, безоговорочно присоединяться к подобным выводам и в том, и в другом случае нельзя. Но нельзя также оставлять без внимания и замечаний Плеханова о попытках славянофильской аппеляции к «объективной логике нашего общественного развития».

Итак, славянофильство конца 30—50 гг. — оппозиционная дворянская идеология, порожденная эволюцией дворянской мысли в кризисный период после восстания декабристов. Она утратила свою революционность, но не стала официальной, близкой воззрениям проправительственного лагеря. Для нее характерно не примирение с основами существующего социально-общественного порядка, а стремление изменить их, преодолеть разрыв между передовыми слоями общества и народом, разрыв, столь отчетливо сказавшийся в движении декабристов. Но так как сама действительность предопределяла в тех условиях невозможность реальных решений, поиски шли в направлении решений иллюзорных, утопических. Такие поиски — особенность не только славянофильства, но и других общественно-идеологических явлений последекабрьской эпохи, хотя предлагаемые утопические решения в каждом конкретном случае существенно отличались друг от друга. Славянофильство — идеология, возникшая на грани утраты дворянской мыслью своей революционности и превращения демократической мысли в революционную.

В. Кулешов называет славянофилов «дворянскими либералами». С этим можно было бы согласиться, но уточнив, какое содержание вкладывается в упомянутый термин. В трактовке Кулешова «дворянский либерализм» почти смыкается с официальной идеологией, с дворянской реакционностью. Оценивая славянофилов, Кулешов, в сущности, примыкает к точке зрения С. Покровского и А. Дементьева. Он объясняет славя-

---

[81] Плеханов, с. 20.
[82] Там же, с. 21.

нофильство страхом перед революцией, стремлением предотвратить попытки повторения ее и т. п.[83].

На самом же деле нельзя забывать, что дворянский либерализм в начале XIX в. — явление исторически прогрессивное, что из него выросла дворянская революционность. После поражения восстания декабристов, дворянский либерализм, в определенных его течениях, так как он был неоднороден, приобретал качественно иное содержание. Это было движение на спаде, а не на подъеме революционной волны. И, тем не менее, даже противопоставляя себя декабристской идеологии, он был во многом связан с нею.

Правда, дворянский либерализм эволюционировал вправо и, в конечном итоге, сблизился с воззрениями консервативными, охранительными, с дворянской реакционностью[84]. Но степень такой эволюции в рамках 40—50 гг. еще предстоит выяснить. Окончательный же результат ее, думается, далеко выходит за пределы рассматриваемого периода.

Славянофилов можно назвать реакционерами в том смысле, в каком В. И. Ленин говорил о реакционности позднего Толстого и европейских социалистов-утопистов[85]. Но ведь при этом Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции». Конечно, не следует переносить ленинскую оценку на славянофилов, но многое в истории русского общественного движения они отразили, прежде всего — кризис дворянской революционности, утопические поиски выхода из безвыходного положения.

Перед исследователями все еще стоит задача изучения сущности и своеобразия славянофильской формы дворянской оппозиционности, выяснения ее соотношения с декабристской идеологией, с «западническими» воззрениями в различных их тенденциях, либеральных и революционных, с дворянской консервативной и официальной мыслью, с патриархальным крестьянским демократизмом. Думается, что исследование славянофильской периодики — важное звено такого изучения.

---

[83] В. Кулешов. Славянофильство, как оно есть... — «Вопросы литературы», 1969, № 10, с. 133, 134, Думается, что Кулешов ошибочно объединил в одну группу Б. Егорова с С. Покровским и А. Дементьевым.

[84] Кстати, последняя далеко не всегда имела официальный характер, например, в направлении газеты «Весть».

[85] Ленин, т. 20, с. 103. См. статью Е. Маймина «Нужны конкретные исследования». — «Вопросы литературы», 1969, № 10, с. 108.